

момент вступления в нее США, продовольственная ситуация в стране и столице несколько месяцев спустя могла бы стать более благоприятной...

Разумеется, устранение архаичной, заскорузлой, не отвечающей духу времени системы самодержавия оставалось бы актуальным – и произошло бы, раньше или позже. Но, вероятно, совсем в другой редакции.

Иначе дело обстоит с Октябрьской революцией. Установление социалистической системы, даже при наличии смутных «коммунистических» чаяний в народной, крестьянской толще и левой ориентации больших групп пролетариата, отнюдь не было насущной потребностью для России в тот момент. В широком социально-культурном плане социалистическая революция на принципах национализации земли и всех средств производства не стояла в повестке дня. Однако с точки зрения политической логики события в стране от февраля к октябрю развивались чуть ли не с железной необходимостью.

Перестройка гигантского, проржавевшего государственного механизма в условиях войны осуществлялась новым режимом из рук вон плохо. Ломка шла с трудом, а уж новое строительство – и подавно. Проблемы возникали гораздо быстрее, чем их удавалось решать, поток перемен захлестывал, смывал все устои.

Прискорбным фактором было, конечно, соперничество множества партий и групп, выраставших как грибы после дождя и отчаянно соперничавших друг с другом. Словесному многоцветью парламентских дебатов и митинговой риторики противостояли исконный народный анархизм и скептицизм. Настроение масс через пару месяцев после революции было примерно таким: а подите вы с вашими выборами, партиями, сложными программами и войной до победного конца. Крестьяне и рабочие требовали немедленного удовлетворения их чаяний и нужд. Экономическая ситуация между тем ухудшалась, властные структуры утрачивали авторитет, контроль центра над многоплеменной и многоукладной страной стремительно утрачивался. Хаос, развал страны становились вполне вероятной перспективой.

Отчаянное положение требовало отчаянных, в свою очередь, мер, но лидеры политических партий пребывали в зазоре между не выветрившимся еще хмелем нежданной победы и полной растерянностью. Они лихорадочно искали прецеденты и ориентиры – но учебников, по которым можно было бы «проходить» русскую революцию, не существовало.

И так получилось, что единственной партией, соединявшей веру в свои принципы с сильным руководством, ясностью лозунгов (немедленный мир, земля крестьянам, народный контроль над производством и финансами) и железной решимостью осуществлять их, были большевики. Конечный их идеал – коммунизм – располагался в легендарной перспективе, пути туда были неведомы. Но этот идеал отвечал общему антибуржуазному, традиционно коллективистскому складу русского народа, издавна лелеявшего мечту о чем-то абсолютно новом, о «стране Инонии». А ближайшие цели большевиков были просты и весомы, как камень в кулаке.

В условиях нараставшего экономического хаоса, политического раздора, слабости Временного правительства переход власти в руки Ленина и его соратников представляется вариантом вполне логичным и закономерным.<...>

Сорокин А. «Закон Божий нам не гожий!» [Текст] : как большевики строили светское государство в октябре-декабре 1917 года / А. Сорокин, А. Кочетова, М. Одинцов // Родина. – 2016. – № 11, нояб. – С. 120-125.

II Всероссийский съезд Советов, заседавший в Таврическом дворце Петрограда с позднего вечера 25 октября (7 ноября) 1917 г., взял в свои руки всю полноту власти и